

Санкционировав предприятие Венеции, возможные последствия которого он безусловно предугадывал, папа выступил как активный и сознательный соучастник и покровитель этого предприятия. Иннокентий III в сущности „благословил“ венецианцев на осуществление захватнических замыслов против Византии; с другой стороны, он одобрил превращение крестоносцев в антивизантийское орудие в руках Венеции. Это значит, что уже в самом начале четвертого крестового похода Иннокентий III способствовал дальнейшему развертыванию событий именно в том направлении, которое они приняли впоследствии, т. е. против Константинополя.

Планы Дандоло, собиравшегося руками крестоносцев упрочить положение венецианцев в Византии и, согласно Никите Хониату, с самого начала наметившего путь на Константинополь¹ (о том же пишет Новгородский летописец: „съ же дужь много брань замышляше на град“²), в известной мере совпадали с политическими интересами Иннокентия III. Его недавние угрозы по адресу византийского императора и скрывавшиеся за ними тайные проекты выполнения „долга отправления правосудия“ теперь получали некоторую реальную основу для своей реализации. Появилась сила, которая при определенных обстоятельствах могла быть использована Иннокентием III для подчинения Византии. Ловкий делец на папском престоле, Иннокентий III не мог упустить такого случая. Он „дал свое согласие на крестовый поход“, правда, лицемерно оговорившись „условием, что крестоносцы в своем походе не будут нападать на христиан“³.

* * *

Вскоре для осуществления папских замыслов представились новые возможности.

Одновременно с Венецией агрессивные планы использования крестоносцев против Византии начали претворяться в жизнь наследником Генриха VI — германским королем Филиппом Швабским и его союзником и агентом — предводителем крестового похода маркизом Бонифацием Монферратским. Последний в конце декабря 1201 г. прибыл ко двору Филиппа Швабского, в Гагенау⁴. Наряду с другими, они обсуждали и вопрос о том, чтобы „вернуть в Константинополь с помощью христианского войска и водворить на престоле Римской империи“⁵ сына Исаака — царевича Алексея. Филипп Швабский мог информировать Бонифация Монферратского о положении дел в Византии и о предполагавшемся бегстве Алексея, о котором он, надо думать, был неплохо осведомлен, так как все время держал связь с бывшим византийским императором. Штауфен переписывался с ним и вел секретные переговоры через своих доверенных лиц. Делать это было нетрудно, так как „всякий желающий имел доступ к Исааку“⁶. Исаак, по словам Никиты Хониата, держал с „латинянами“ „тайные совещания о том,

¹ Nicetae Choniatae Historia, de Alexio Isacii Angeli fr., lib. III, ed. Bonn, 1835, p. 714.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 49.

³ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 194.

⁴ I. Fr. Böhmcr. Regesta imperii. Die Regesten des Kaiserreiches unter Philipp. Otto IV etc., Stuttgart, Tübingen, 1847, S. 13.

⁵ Gesta Innoc. III, l. c.

⁶ Nic. Chon. Historia, p. 710.